

ФИЛОСОФСКИЙ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ

PHILOSOPHICAL, PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC APPROACHES TO INVESTIGATION OF TENSE CATEGORY

Данная статья посвящена описанию ситуативно-темпорального значения как структурного компонента содержания слова, что предполагает формирование определенного представления об этом компоненте в рамках философского, психологического и лингвистического подходов к исследованию категории времени как основы данного значения.

Ключевые слова: психологическое время, объективное и субъективное время, темпоральная лексика, лингвистическое время, категория темпоральности, лексическое время.

Situative-temporal meaning as a structural component of the word content is described in this paper that assumes a certain notion of this component within the framework of philosophical, psychological and linguistic approaches to investigation of the tense category as the core of this meaning.

Keywords: psychological tense, objective and subjective tense, temporal lexis, linguistic tense, temporality category, lexical tense.

В основе исследования темпорального значения лежит представление о категории времени как объекте научного анализа в философии. Общефилософские и историко-философские аспекты исследования времени в рамках отечественной традиции репрезентированы в работах С.С. Аверинцева, Г.П. Аксенова, А.Ф. Аскина, В.П. Гайдено, П.П. Гайдено, А.Я. Гуревича, Ю.Б. Молчанова, Н.И. Трубникова, В.Н. Ярской, Г.Е. Зборовского, Л.В. Скворцова, Г.Г. Сучковой, В.М. Шемякинско, В.П. Яковлева. Позиции ряда отмеченных выше исследователей являются иллюстрацией одного из двух общепринятых направлений изучения проблематики времени. В рамках первого направления категория времени исследуется в русле естественно-научного знания, а в рамках второго – в социально-гуманитарном русле (Г.Е. Зборовский, В.А. Артемов, А.Н. Лоя, Г.С. Пак, В.А. Канке, Э.А. Елизарьев, Л.В. Скворцов, Г.Г. Сучкова, В.М. Шемякинский, В.П. Яковлев).

В самом общем виде в философии в рамках субъективистского подхода время интерпретируется как внутренние способности человека, а в рамках объективистского подхода время воспринимается как объективная форма бытия, не зависящая от сознания человека. Субъективистской

концепции времени придерживался А. Августин, определявший существование Бога в русле статической концепции времени, а существование человека, соответственно, – в русле динамической. Августин является автором концепции времени, которая позже будет названа реляционной в обоих ее вариантах, то есть имеются в виду психологическая концепция времени и объективная реляционная концепция времени [1]. В основе данной концепции находится положение о необходимости за меру времени считать меру изменчивости (смену событий, следующих друг за другом, моментов в сознании человека), а не меру длительности. Августин объясняет это тем, что «творения эти находятся в постоянной видоизменяемости, так что изменимость эта дает себя чувствовать в мире изменением времен, которые мы наблюдаем и исчисляем; ибо от этой видоизменяемости, которой подлежит все сотворенное, происходят самые времена, когда вещи в своих видах и образах постоянно изменяются и разнообразятся...» [2, кн. XII, гл. 8]. По мнению автора, время существует и в мире вещей, что предполагает определение времени как отношения порядка между вещами, которое проявляется в их следовании друг за другом через момент настоящего. При этом время является совокупностью событий в промежутке между первым событием (Сотворение мира) и последним (Страш-

¹ Доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и перевода НОУ ВПО «Российский новый университет».

ный суд). Очевидна связь, но не совпадение времени как с движением, так и с движущимся. С другой стороны, Августин делает вывод о том, что прошлое и будущее существуют, но исключительно для души, в сознании человека. Поэтому целесообразнее воспринимать время в его трех разновидностях, подразумевая настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего. Таким образом, во-первых, Августин предлагает психологическую трактовку онтологического времени, а, во-вторых, не смешивает время психологическое и физическое [3].

В рамках субъективистской концепции пространства и времени И. Канта время рассматривается как самостоятельная форма человеческого познания. Более того, данная форма признается универсальной, так как никакой другой формы времени, по мнению автора, не существует вообще. И. Кант определяет пространство и время как априорные формы чувственности, позволяющие познающему субъекту упорядочивать хаос чувственных впечатлений. Восприятие мира познающим субъектом осуществляется только в пространстве и времени. При этом под пространством И. Кант понимает априорную форму внешнего чувства, которая позволяет систематизировать внешние ощущения, а под временем, соответственно, – систематизирующую внутренние ощущения априорную форму внутреннего чувства. Таким образом, пространство и время являются формами чувственной познавательной способности субъекта, что подразумевает невозможность их существования отдельно от субъекта. В целом время воспринимается как общее условие возможности существования всех явлений, так как оно является способом структурирования познания и способом описания сознания [4, т. 3].

А. Бергсон также является сторонником субъективистского подхода и в рамках своей концепции длительности принципиально различал время, определяя его как опространствленную длительность и непосредственно саму длительность, составляющую истинную сущность жизни, и, переживая которую, человек имеет возможность принимать самое активное участие в жизни. А. Бергсон [5] оценивает время как подходящий способ рассудочного измерения определенных процессов физического мира.

Анализируя философский подход к исследованию категории времени, мы приходим к выводу о существовании доминирующей позиции, согласно которой время интерпретируется как субъективный феномен, а сущность раскрывается только в его отношении к человеку. С опорой

на данную позицию время воспринимается как форма «интуиции», что соответствует внутреннему чувству человека. Разнообразные концепции и подходы к категоризации времени и его свойств, а также общеустановленные качественные свойства времени оказали влияние на восприятие и интерпретацию данной категории носителями разных культур. Так, например, в основе исследования особенностей восприятия хронологического времени [6] лежит осмысление времени как объективной сущности, то есть «абсолютного времени», описанного в концепции И. Ньютона. Изучение различных уровней субъективно переживаемого времени осуществляется в русле реляционной концепции, что предопределяет исследование разных уровней пространственно-временных отношений. Таким образом, характеризуя в общем смысле категорию времени, отметим, что, во-первых, время является реальностью, которая существует независимо от нашего сознания. Во-вторых, время следует рассматривать как характеристику движения как формы существования материи, формируемого на основе определенных отношений материальных объектов и их состояний. Другими словами, движение материи составляет сущность времени, которое в данном случае интерпретируется как реальность, а не форма чувственного восприятия или созерцания.

Интерпретация категории времени в контексте исследования психологической составляющей психолингвистического компонента структуры содержания слова предполагает анализ понятия психологического времени, так как именно с позиций психологического времени оценивается его субъективное восприятие как значения процесса деятельности, в нашем случае процесса переживания. В контексте исследования психологического времени определим его как переживаемое человеком время [7]. Поясняя данную мысль, отметим, что под этим определением понимается отражение в психике системы временных отношений между событиями жизненного пути. Понятие психологического времени разрабатывалось такими исследователями, как С. Штернберг, Л.М. Веккер, А.М. Жаров. Рассмотрим понятие психологического времени, в содержании которого, во-первых, заключены оценки одновременности, последовательности, длительности, скорости протекания различных событий жизни, их принадлежности к настоящему, удаленности в прошлое и будущее. Во-вторых, присутствуют переживания сжатости и растянутости, прерывности и непрерывности, ограниченности и беспредельности вре-

мени. В-третьих, отражается восприятие психологического времени как осознания возраста, возрастных этапов (детства, молодости, зрелости, старости). В-четвертых, выражены представления о вероятной продолжительности жизни, о смерти и бессмертии, об исторической связи собственной жизни с жизнью предшествующих и последующих поколений семьи, общества, всего человечества.

В целом в психологии можно выделить несколько подходов к интерпретации и экспериментальному изучению психологического времени. Согласно квантовой концепции, существуют разномасштабные субъективные кванты времени – от миллисекунд до десятилетий, которые обуславливают различные переживания времени (например, оценки одновременности, выделение психологического настоящего). С позиций событийной концепции особенности психологического времени зависят от количества и интенсивности происходящих событий – изменений во внутренней и внешней среде, в деятельности человека. В психологическом времени вполне логичным представляется проводить дифференциацию между психологической временной перспективой, составляющими которой являются психологическое настоящее, прошлое и будущее, и восприятием времени как процесса формирования психологического настоящего. Психологическая временная перспектива характеризуется потенциальной независимостью от времени физического и обеспечивается кроме восприятия такими познавательными процессами, как память, мышление и воображение, которые образуют ось психологического времени [8] и обеспечивают единство данной психологической временной перспективы. Исследования психологической временной перспективы могут проводиться с опорой как на статическую, так и на динамическую концепции времени.

Согласно точке зрения Е.И. Головахи, А.А. Кроника, именно «факт существования психологического настоящего является для психолога ключевым в раскрытии механизмов переживания времени» [7, с. 207]. В рамках исследования психологического времени принято воспринимать физическое время как континуум, а момент физического настоящего (вслед за Аристотелем) – как точку, которая одновременно связывает и разграничивает прошлое и будущее. При этом исследователи предлагают расширить момент психологического настоящего и наделить его количественно определенной длительностью. Данное представление опирается на концепции дискретного времени, а также на труды Августина,

Бергсона и Гуссерля. Е.И. Головаха и А.А. Кроник [7] предлагают два понимания психологического настоящего, обладающего длительностью, во-первых, в рамках квантовой концепции психологическое настоящее следует интерпретировать как временной отрезок определенной длительности. Данная длительность должна коррелировать с длительностью удерживания человеком целостного восприятия какого-либо стимула или временного отрезка, оцениваемого индивидом как «теперь». Во-вторых, в русле событийной концепции длительность психологического настоящего авторы предлагают детерминировать длительностью воспринимаемого в данный момент события. Тем не менее, в рамках квантового и событийного подходов некоторые основополагающие проблемы открыты для дальнейших исследований. Во-первых, проблемы обратимости и многомерности психологического времени. Во-вторых, проблемы возможной нелинейной последовательности прошлого психологического, настоящего психологического и будущего психологического. В-третьих, выделим проблему определения единицы возрастной категоризации. Данные проблемы могут быть решены при помощи причинно-целевой концепции, в рамках которой психологическое время воспроизводит сложную систему взаимно обусловленных межсобытийных связей типа «причина – следствие», «цель – средство», а в упрощенном варианте – хронологические интервалы и события сами по себе, что является основой для формирования ощущения времени, которое детерминируется внутренними, эндогенными событиями. Отдельные события могут быть биологическими, а другие – психическими или когнитивными.

На основе анализа работ С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской, Д.Г. Элькина, К. Левина, Б.И. Цуканова, А.С. Дмитриева выделим психофизиологическое, психологическое и личностное направления изучения времени в качестве основных в психологии. На психофизиологическом уровне существует проблема проявляющейся в различных формах адаптации человека к системе текущего времени, что является основой для успешной ориентировки в окружающей среде. Однако кроме такого врожденного чувства времени существует и способность к осознанной оценке времени, на что указывают такие ученые, как С.Л. Рубинштейн, Б.И. Цуканов, Д.Г. Элькин, П. Фресс, Ж. Пиаже, Г. Вудроу, У. Джеймс, А.С. Дмитриев.

Общая сложность исследования проблемы времени в целом и как психологической состав-

ляющей темпорального значения обосновывается рядом причин: умозрительностью категории времени [21, с. 58–70; 22, с. 57–68], двойственностью имеющегося в нашем сознании представления о времени [5], исторической изменчивостью соотношения субъективного и объективного времени, а также неоднозначностью понятия субъективного времени, которое в рамках данного исследования рассматривается как основа психологической составляющей психолингвистического компонента структуры содержания слова. А. Бергсон в своих работах, посвященных анализу деятельности сознания, указывает на двойственность существующего представления о времени, что является основанием для выделения двух типов времени. Исследователь выделяет длительность, связанную с восприятием (переживанием) действительности сознанием, то есть «длительность, переживаемая нашим сознанием, имеет определенный ритм и весьма отлична от времени, о котором говорит физик и которое может вместить, в данном интервале, любое число явлений» [5, с. 289]. При этом осмысление времени осуществляется с помощью пространственных показателей, а также воспринимается как субстанция, обладающая такими свойствами, как линейность и одномерность. Так, по мнению автора, «мы, привыкшие к идее пространства, даже преследуемые ею, бессознательно вводим ее в наше представление о чистой последовательности; мы рядопологаем наши состояния сознания и воспринимаем их одновременно, не одно в другом, но одно рядом с другим; короче, мы проецируем время в пространство, выражаем длительность в терминах протяженности, а последовательность выступает у нас в форме непрерывной линии или цепи, части которой соприкасаются, но не проникают друг в друга» [5, с. 93]. Логичным следствием данного рассуждения является положение о том, что время – величина измеряемая, что, согласно точке зрения Бергсона, упрощает нам процесс осознания времени [5, с. 291]. Указанные выше два типа времени часто рассматриваются как члены оппозиции «субъективное время – объективное время». Субъективное время противопоставляется объективному времени не только в диахронии, но и в синхронии.

В синхроническом плане объективное и субъективное время образуют коррелятивные пары, которые могут быть противопоставлены по признакам необратимость/обратимость, непрерывность/прерывистость, равномерность/неравномерность, одномерность/многомерность (линейность/нелинейность), упорядоченность/

неупорядоченность [9, с. 64–65; 10, с.8–33; 11, с. 135–163; 12, с. 300]. Тем не менее, следует отдельно сказать о существовании определенной асимметрии в распределении признаков этих коррелятивных пар, так как объективное время определяется свойствами, обозначенными первыми членами коррелятивных пар, а субъективное время – и теми и другими. В качестве синонима термина *субъективное время* можно выделить термин *эмотивное время*, который, по своей природе, неоднозначен. Во-первых, как синоним термина *субъективное время* он относится «к сфере восприятия реальной действительности отдельным человеком» [10, с. 17]. Во-вторых, в более узком значении эмотивное время определяется как отображение нашим сознанием реального времени, при котором происходит смещение объективного хода времени в нашем восприятии, что подразумевает возможность его ускорения, замедления, исчезновения [10, с. 17]. Об этом также писал В.В. Виноградов, указывая на возможность дифференцированного «переживания времени» [13, с. 212]. Эмоционально-экспрессивное противопоставление прошлого и настоящего, а также концептуализация времени являются одними из основных функций эмотивного времени. Для выражения эмотивного времени характерно комплексное использование языковых средств, что способствует актуализации субъективности восприятия времени, а также усилению эмоциональности. Эмотивное время имеет прямое отношение к сфере перцепции субъекта, поэтому «эмотивное время характеризуется частным темпоральным значением, которое отображает несовпадение субъективного восприятия времени с размерным поступательным движением объективного времени» [14, с. 215–219].

Таким образом, вслед за Е.И. Головахой и А.А. Кроником [7], определим понятие психологического времени как субъективное переживание времени, под которым мы понимаем личностное переживание субъективного или эмотивного времени, интерпретируемого как длительность, переживаемая нашим сознанием. Также в рамках данного раздела были выделены подходы (с позиции квантовой и событийной концепций) к интерпретации и экспериментальному изучению психологического времени, а также три основных направления исследования времени в психологии (психофизиологический, психологический и личностный). Психологическое направление исследования времени характеризуется анализом содержания данного понятия, как в значительной мере отличающего

ся от объективного, хронологического, что обосновывается индивидуальными особенностями восприятия времени как плавно текущего или скачкообразно, как сжатого или растянутого, пустого или насыщенного. В этой связи было раскрыто содержание понятия субъективного времени, в качестве синонима было выделено понятие эмотивного времени, основные функции которого были определены как эмоционально-экспрессивное противопоставление прошлого и настоящего, а также концептуализация времени. Было отмечено, что понятие эмотивного времени интерпретируется как субъективное время, так как сам объект исследования является субъективной категорией, и характер его переживания в значительной степени детерминируется личностными особенностями индивида. В данном исследовании под понятием субъективного (эмотивного) времени подразумевается его конкретный аспект, а именно – значение длительности как психологическая составляющая психолингвистического компонента структуры содержания слова.

Лингвистические исследования категории темпоральности характеризуются различными подходами к выбору объекта, что находится в непосредственной зависимости от поставленной цели. Так, исследование особенностей связи языка и времени нашло свое отражение в работах Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Х.Г. Гадамера, а особый взгляд на специфику исследуемой связи был представлен в работах таких философов, как А.С. Борщов, А.Г. Дугин, Ж. Лакан, Э. Левинас, В.П. Рожков, О. Розеншток-Хюсси, В.С. Соловьев, М.С. Уваров, А.С. Карпенко, А.М. Анисов, В.В. Попов, Б.С. Щеглов, Дж. Уитроу, М. Элиаде, Р. Тейкман, Р. Генон, Л. Окландер, В.А. Фриуф. Грамматический аспект времени исследовался в работах В.В. Виноградова, А.В. Бондарко, Н.С. Авиловой, Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидоровой. Время как онтологическая категория стала предметом изучения в языкознании в работах Ю.С. Степанова, Ю.Н. Караулова, В.В. Колесова, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, Т.В. Бульгиной, Е.С. Кубряковой, А.Д. Шмелева, А. Зализняк, А.В. Кравченко, М.В. Всеволодовой, Е.С. Яковлевой, Г.В. Звездой. Отдельно укажем на исследование категории именной темпоральности (М.В. Всеволодова, Г.В. Звездова), способов лексического и грамматического выражения времени (Е.Н. Широкова), лексических средств выражения времени (Д.Г. Ищук), наречной темпоральности (Р.А. Семергей, Ф.И. Панков, Г.М. Зельдович), категории синтаксического времени (Т.Е. Шаповалова), фразеологических

единиц со значением времени (С.В. Столбунова), проблематики пространственно-временного синкретизма (О.А. Радутная), на исследование времени как культурного концепта (З.Х. Бижева), концепта «время» в дискурсе современной публицистики (Н.Б. Грушина), проблематики художественного времени (З.Я. Тураева, А.С. Персина), на исследование образа времени в славянской лингвокультуре на основе анализа древних мифологизированных представлений о времени, связанных с магией и ритуалом (Н.И. Толстой, С.М. Толстая), на типологические исследования славянской языковой картины мира (С.Е. Никитина, Т.М. Николаева, О.Н. Трубачев, О.А. Черепанова, З.К. Тарланов). В рамках системно-структурной парадигмы знания доминантным направлением исследования времени явилось упорядоченное описание грамматической категории глагола, что нашло свое отражение в работах М.В. Янкошвили, Е.В. Тарасова. Описанию темпоральной лексики посвящены работы М.И. Рудометкиной, Н.А. Потаенко. Исследование семантической категории темпоральности в русле отечественной функциональной грамматики нашло свое отражение в трудах А.В. Бондарко, а также послужило основой для разноаспектного анализа лексического времени на более высоком уровне уточнения и систематизации, представленного в работах Р.Л. Ковалевского, Е.А. Смыковой. В контексте анализа особенностей темпоральной лексики отдельно выделим сборник статей «Логический анализ языка. Язык и время» под редакцией Н.Д. Арутюновой, в котором авторы репрезентируют свои модели времени с опорой на анализ концептуализации феномена в «словах времени». Способы репрезентации категории времени в языке в целом детерминируются существующими в быденном сознании и овнешненными в языке моделями времени, которые условно делятся на модели, ориентированные на человека, и модели, ориентированные на само время [15].

В трудах зарубежных лингвистов (G. Lakoff, J. Gibson, M. Flaherty, V. Evans, T. Tenbrink, Z. Kovacs) основное внимание сконцентрировано на исследовании и описании общих принципов организации темпорального сознания индивида, а также на механизмах создания определенных ментальных пространств. К второстепенным вопросам зарубежные лингвисты относят исследования национальных оттенков временных концептов. Другими словами, западные традиции характеризуются приоритетом когнитивных над лингвокультурологическими исследованиями времени.

Кратко обозначив различные аспекты проблематики времени, представляющие непосредственный интерес для исследователей в области лингвистики, перейдем к актуальному в рамках данной работы анализу категории лингвистического времени и отметим, что оно характеризуется наличием синхронного и асинхронного аспектов, коррелирующих с синхронным и асинхронным аспектами репрезентации языка и объективными физическими категориями одновременности и последовательности событий. Структурными компонентами лингвистического времени являются грамматическое (морфологическое, синтаксическое), лексическое и контекстуальное время. В контексте исследования грамматического времени отметим, что грамматическая категория времени (*tense*) в лингвистике непосредственно связана с общенаучным понятием времени (*time*), для которого характерно наличие дихотомического противопоставления прошлого и настоящего, хотя большинство естественных языков характеризуются наличием трехчленного грамматического противопоставления «настоящее – прошедшее – будущее». Существует определенная связь между категорией времени и другими категориями, например категорией вида, которая описывает именно внутреннюю темпоральную структуру ситуации. Исходя из того, что онтологически существуют только два способа мыслить действие, выделим их как осмысление действия в протекании и в результате. При этом семантическое содержание данных действий, выраженных глаголом, будет разным, так как каждый из глаголов имеет свою «зону смыслов». Особенно интересными с точки зрения анализа семантики предикатов являются отрицательные предложения. В совершенном виде глаголы физического действия могут иметь две интерпретации отрицания (отсутствие деятельности и безуспешная попытка), так как не только активное лицо, но и дополнительные условия влияют на исход действия, что, как правило, уточняется из контекста. Таким образом, можно предположить, что языковым выражениям отводится роль не обозначать объекты и ситуации реального мира, а возможно их моделировать. При этом под ситуацией понимается не только фрагмент действительности, но и смысл предложения, а также фрагмент действительности, выявленный и обработанный мыслью [16].

Значение времени как грамматической категории детерминирует временную ответственность (временную референцию) ситуации, отображенной в предложении, а мозг человека при этом выполняет функцию очень чувствительно-

го детектора времени. Спрягаемые глагольные формы, указывающие на протекание процесса в одном из трех временных планов (настоящее, прошедшее и будущее), следует рассматривать как ядро языкового выражения категории времени, так как кроме глагольных форм существуют еще лексические и синтаксические средства. Тем не менее, именно глагольное время как важнейшая категория грамматики выполняет функцию специфического языкового воспроизведения объективного времени и указания на темпоральную (временную) локализацию события или состояния, являющегося частью данного предложения. Время, связанное с движением, сменой событий, действием, овнешняется изначально глаголом. С семантической точки зрения, категория времени в грамматике определяется как набор однородных грамматических значений, которые находятся в отношениях оппозиции. В рамках общего значения категории времени выделяются три частных значения (значения прошедшего, настоящего и будущего времен), а их формы характеризуются как некоторое единораздельное множество, состоящее из целого ряда признаков. Все отмеченные выше значения формируют определенную смысловую структуру, определяемую как «парадигма спряжения». В качестве основной характеристики указывается ее подвижность и динамичность, что является основанием для ее интерпретации не только как структуры, но и как модели заключенных в ней словоизменений [16].

Следствием отмеченного выше становится выделение функционально-семантической категории темпоральности, которая состоит из категории времени глагола как грамматического ядра этой категории, репрезентирующей характерное языковое отражение объективного времени и существующей для описания временной соотношенности событий в предложении. Устойчивые типы данного взаимодействия лежат в основе выделения в грамматическом описании типов употребления каждой из форм. Различая прямое и переносное употребление, отметим, что наличие конкретизирующего и уточняющего, но не противоречащего контекста категориального значения свидетельствует о прямом употреблении формы времени. А в случае несоответствия между категориальным значением глагольной формы и контекстом мы имеем дело с переносным употреблением форм времени, в результате которого их категориальное значение в определенной степени изменяется. Примером служит влияние контекста на категориальное значение формы времени, способствующее его трансформации в образное (фигуральное).

В самом общем виде существуют две основные разновидности прямого употребления форм настоящего времени, а именно – настоящее актуальное (конкретное настоящее время момента речи), определяемое как отнесенность действия к моменту речи, и настоящее неактуальное, определяемое как протекание действия не в момент речи. Как уже было отмечено выше, настоящее актуальное как конкретное настоящее время момента речи обладает значением действия, происходящего в момент речи, при этом на одновременность действия с моментом речи указывает контекст. В качестве основных типов настоящего неактуального следует выделять настоящее время постоянного действия (настоящее постоянное) и настоящее абстрактное. Настоящее время постоянного действия (настоящее постоянное) обозначает отношение, не ограниченное временными рамками, и действие, протекающее не в момент речи, хотя в целом оно может быть актуальным и в момент речи.

Настоящее абстрактное обозначает повторяющееся, обычное, типичное действие, репрезентированное в широком плане настоящего времени, которое не имеет непосредственной связи с моментом речи, так как оно выражает не то или иное конкретное действие, а неопределенное количество его повторений.

Кроме основных форм настоящего времени принято выделять некоторые периферийные типы, то есть для которых характерна специфическая цель и определенная сфера употребления. Такими функциональными разновидностями настоящего неактуального являются изобразительное (описательное) настоящее и настоящее комментирующее. Изобразительное (описательное) настоящее обладает художественной функцией, детерминирующей сферу его употребления. Настоящее комментирующее выражает одновременное со временем существования и восприятия комментируемой ситуации действие. Отдельно укажем на существование настоящего исторического и настоящего при обозначении будущих действий как типов переносного употребления форм настоящего времени. Анализируя содержание настоящего времени при обозначении будущих действий, отметим наличие двух разновидностей: 1) настоящее время намеченного действия, 2) настоящее время воображаемого действия [17].

Рассмотрим основные формы прошедшего времени и в этой связи отметим, что принято выделять перфектное (действие происходит в прошлом, а его результат проявляется в настоящем) и аористическое как два типа прямого упо-

ребления формы прошедшего времени глаголов совершенного вида. Формы прошедшего времени глаголов совершенного вида в аористическом употреблении выражают прошедший факт, не указывая на наличный результат прошедшего действия, и характерны для повествования о следующих друг за другом фактах. В прямом употреблении форма прошедшего времени может передавать прошедшее действие, и это зависит от типа употребления глаголов несовершенного вида. Так, например, в качестве типов употребления глагола несовершенного вида можно выделить процесс протекания действия, его неограниченную повторяемость, постоянное существование действия, а также действие как обобщенный факт.

В контексте краткого описания употребления форм будущего времени отметим, что формы будущего простого обычно обозначают конкретное единичное действие в будущем. Форма будущего простого характеризуется наличием периферийной функции выражения настоящего неактуального, которое чаще всего вербализуется настоящим абстрактным, что реализуется при наличии двух и более связанных друг с другом действий. Отрицательная форма будущего простого обладает значением невозможности осуществления действия в момент речи, а в случае ограничения временных рамок действия планом прошедшего времени, то формы будущего простого употребляются в переносном значении. В основе данного употребления находится функция настоящего неактуального, которая позволяет в контексте форме будущего простого приобретать значение прошедшего времени. Еще одной разновидностью переноса является употребление формы будущего сложного в контексте абстрактного настоящего, категориальное значение которой реализуется в тех или иных модальных оттенках (оттенок предположительного допущения, уверенность в постоянной готовности субъекта к осуществлению действия, оттенок уверенности в том, что обычное, типичное действие непременно должно (или не должно) осуществляться), которые непосредственно связаны со значением будущего времени [17].

Такие исследователи, как В.В. Виноградов, Н.С. Пospelов, Н.М. Шанский, М.А. Шелякин, А.В. Бондарко, М.Я. Гловинская, Н.В. Перцов, Л.И. Ушакова, Г.А. Золотова, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов также разрабатывали проблематику грамматических средств выражения и описания оттенков значения форм настоящего, будущего и прошедшего времени. Так, например, в контексте исследования теории глагольно-

го времени отметим, что в книге В.В. Виноградова [18] «Русский язык» рассматривается проблематика синтаксических функций времени, их взаимоотношение с другими глагольными формами, проблема относительности употребления времени. Также автор указывает на возможность выделения семи временных форм (четыре формы прошедшего времени (прошедшее совершенное, прошедшее несовершенное, давнопрошедшее время, «прошедшее время мгновеннопроизвольного действия»), описательную форму будущего времени несовершенного вида, форму настоящего времени несовершенного вида и форму настоящего-будущего времени совершенного вида).

Рассматривая лексическое время, а точнее репрезентацию категории времени при помощи темпоральной лексики, укажем на тот факт, что В.Г. Семенова в контексте философско-лингвистического исследования способов выражения категории времени в языке отмечает, что они характеризуются разнообразием, то есть объективное время реализуется в языке не только при помощи системы временных форм глагола, но и различных конструкций и сочетаний. В целом роль категории времени, по мнению автора, может определяться опосредованно, через смысл других категорий [16].

А.Ю. Стопочева-Мойер [19] в рамках исследования времени в контексте языка и культуры анализирует концептуальные модели времени в английском языке с опорой на синхроническое и диахроническое описание слов, обозначающих краткие временные промежутки. Субъективно-объективные формы реального времени находят свое выражение в концептуальной и языковой моделях мира, при этом время входит в содержательную сторону языка и является частью концептуальной картины мира.

Выделяя основные черты темпорального восприятия, сложившегося в английской культуре, автор указывает на понятия личного времени и времени общественного, обладающих своей определенной системой отсчета и единицами измерения. Система отсчета общественного времени овнешняется основными конституентами данного поля времени, под которыми подразумеваются крупные единицы членения астрономического времени (*ecclesiastical/financial/fiscal/school year*). В основе личного времени находятся определенные этапы жизни человека (рождение, смерть, различные возрастные периоды) [19].

Л.Ю. Султанова [20] в контексте исследования особенностей репрезентации концеп-

та «время» в языковой картине мира отмечает, что темпоральные отношения овнешняются в семантике языковых единиц на грамматическом и лексическом уровнях. Кроме общепринятых грамматических субкатегорий темпоральности существуют лексические средства, образующие лексико-семантические поля, которые детерминируют темпоральную специфику осознания мира. Примером подобного лексико-семантического поля является поле природной цикличности (отражаются субъективные представления общества об объективной цикличности природных явлений), поле физиологической цикличности в жизни человека и поле циклической деятельности людей. Л.Ю. Султанова в своем диссертационном исследовании отмечает, что в русской языковой картине мира циклическая (традиционная) и линейно-историческая модели времени позиционируются как общепринятые. Для первой модели характерно определение времени как последовательности повторяющихся однотипных событий, «жизненных кругов». В качестве доминанты этой модели выделяется слово «пора», обладающее особой временной семантикой, описывающей фазу цикла в природе и жизни людей. В рамках второй модели время рассматривается как однонаправленное, поступательное движение, и в качестве его доминанты выделяется слово «время». С опорой на данные модели времени в русском языке выделяются определенные части темпоральной лексики. Во-первых, выделим существительные со значением длительности (метрические отрезки, этапы различных циклов, счет внутри цикла), во-вторых, наречия со значением повторяемости времени, в-третьих, слова, детерминирующие протекание явления, процесс по длительности и продолжительности, безотносительное время. В-третьих, укажем на наличие разных частей речи, обозначающих временную соотношенность, то есть относительное (релятивное) время. В-четвертых, выделим прилагательные, обозначающие признаки предметов (и явлений) или их действий, связанные со временем, детерминирующие процесс становления и исчезновения времени [20].

Таким образом, кратко обозначив возможные аспекты исследования проблематики времени при помощи понятийного аппарата лингвистики, далее мы раскрыли содержание категории лингвистического времени и указали, что в качестве его структурных компонентов следует выделять грамматическое (морфологическое, синтаксическое), лексическое и контекстуальное время. В контексте исследования грамматического вре-

мени было отмечено, что грамматическая категория времени (*tense*) в лингвистике непосредственно связана с общенаучным понятием времени (*time*), для которого характерно наличие дихотомического противопоставления прошлого и настоящего, притом что большинству естественных языков свойственно наличие трехчленного грамматического противопоставления «настоящее – прошедшее – будущее». Также отдельно было указано на наличие связи между категорией времени и категорией вида, описывающей именно внутреннюю темпоральную структуру ситуации. При описании видов грамматического времени были проанализированы две основные разновидности прямого употребления форм настоящего времени, а именно настоящее актуальное (конкретное настоящее время момента речи), определяемое как отнесенность действия к моменту речи, и настоящее неактуальное, определяемое как протекание действия не в момент речи. Также кратко были рассмотрены формы прошедшего времени (перфектное и аористическое) и формы будущего простого, обозначающего обычно конкретное единичное действие в будущем. Взяв за основу грамматическую точку отсчета, мы обозначили тот факт, что категориальные значения одновременности (настоящего), предшествования (прошедшего) и следования (будущего) являются грамматическими значениями, которые свойственны формам времени в морфологической системе языка. Расширение, конкретизация, то есть трансформация значения, является результатом интеракции категориальных временных значений с контекстом, с ситуацией речи, с внеязыковым моментом речи, другими моментами реального времени, а также с реализацией значений других категорий глагола. Очень значимой при этом становится субъективная оценка носителя языкового сознания объективно существующих временных отношений. В контексте анализа лексического времени, а точнее репрезентации категории времени при помощи темпоральной лексики, было отмечено, что в работах В.Г. Семеновой в русле философско-лингвистического подхода исследуются способы выражения категории времени в языке. А.Ю. Стопочева-Мойер посвятила свое исследование времени в контексте языка и культуры анализу концептуальных моделей времени в английском языке с опорой на синхроническое и диахроническое описание слов, обозначающих краткие временные промежутки. Л.Ю. Султанова в контексте исследования особенностей репрезентации концепта «время» в языковой картине мира придерживалась позиции, согласно

которой темпоральные отношения овнешняются в семантике языковых единиц на грамматическом и лексическом уровнях.

Литература

1. Гоманьков А.В. Аврелий Августин – богослов, философ, темпоролог [Электронный ресурс] : Доклад на семинаре «Изучение феномена времени» / А.В. Гоманьков, МГУ, 24 апреля 2001 г. http://www.chronos.msu.ru/Public/gomankov_avrely.html
2. Августин Аврелий. Исповедь. Пьер Абеляр. История моих бедствий. – М., 1992. – 335 с.
3. Воробьев В.В. Становление идей неклассической логики в Античности и Средневековье / В.В. Воробьев. – М. : МГУ, 1989. – 112 с.
4. Кант И. Критика чистого разума : в 8 т. / И. Кант. – Т. 3. – М. : Мысль, 1994. – 591 с.
5. Бергсон А. Собрание сочинений : в 4 т. / А. Бергсон. – М., 1992. – Т. 1. – С. 93, 289, 291.
6. Москвин В.А. Нейропсихологические аспекты исследования временной перцепции у здоровых лиц / В.А. Москвин, В.В. Попович // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия : сб. докладов под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. – М. : Изд-во РПО, 1998. – С. 160–166.
7. Головаха Е.И. Понятие психологического времени / Е.И. Головаха, А.А. Кроник // Категории материалистической диалектики в психологии; под ред. Л.И. Анциферовой. – М. : Наука, 1988. – С. 199–215.
8. Веккер Л.М. Психика и реальность : единая теория психических процессов / Л.М. Веккер. – М. : Смысл, 1998. – 685 с.
9. Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире / А.М. Мостепаненко. – М., 1974. – С. 64–65.
10. Тураева З.Я. Категория времени : время грамматическое и время художественное / З.Я. Тураева. – М., 1979. – С. 8–33.
11. Сухих С.И. Теоретическая поэтика А.А. Потебни / С.И. Сухих. – Н. Новгород, 2001. – С. 135–163.
12. Третьякова И.А. Линейность, цикличность, сингулярность / И.А. Третьякова // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре : сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. – Серия «Мыслители». – Выпуск № 8 – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. – С. 300.
13. Виноградов В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М., 1980. – С. 212.
14. Широкова Е.Н. Типология эмотивного времени / Е.Н. Широкова // Филология : вест-

ник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2008. – № 1. – С. 215–219.

15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

16. Семенова В.Г. Тожество и время: философско-лингвистический анализ [Электронный ресурс] : автореферат дис. ... д-ра фило-соф. наук. – М., 2009. – 54 с.

17. Шведова Н.Ю. Русская грамматика / АН СССР; Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н.Ю. Шведова : в 2 т. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Наука, 1980. – 783 с.

18. Виноградов В.В. Русский язык : грамматическое учение о слове : учеб. пособие для филологических спец. ун-тов / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.

19. Стопочева-Мойер А.Ю. Время в контексте языка и культуры; минимальные единицы членения [Электронный ресурс] : на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 168 с.

20. Султанова Л.Ю. Концепт «время» в кумыкской и русской языковых картинах мира [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2009. – 156 с.

21. Чернейко Л.О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте / Л.О. Чернейко // Филологические науки, 1994. – № 2. – С. 58–70.

22. Чернейко Л.О. Субъективное время и способы его выражения в художественном тексте / Л.О. Чернейко // Вопросы русского языкознания. – М., 2000. – Вып. 8. – С. 57–68.